

Марина Важова

ПЕРЕКРЁСТКИ СУДЬБЫ

Сны и знамения. Он меня больше не любит

Марина Важова
Перекрёстки судьбы.
Сны и знамения. Он
меня больше не любит

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29178160

ISBN 9785449030054

Аннотация

В сборник вошли повести «Сны и знамения» и «Он меня больше не любит». Какая хрупкая вещь – человеческая жизнь! Порой разительные перемены зависят от случайных событий, от незначительных факторов: кивка головы, брошенной фразы, пустякового подарка. Можно ли прогнозировать эти случайности? Взять судьбу в собственные руки? Предвидеть и предусмотреть? Или за спиной каждого человека стоит невидимый режиссёр, знающий всё наперёд и давно замысливший счастливый или трагичный конец пьесы? Кто знает...

Содержание

СНЫ И ЗНАМЕНА	5
Посиделки с чудесами	5
Три пожара	13
Ацетоновый смерч	15
Как гуси дом спасли	20
Огненный шар	24
Вещие сны	32
Сон про бутылки	34
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Перекрёстки судьбы Сны и знамения. Он меня больше не любит

Марина Важова

Иллюстратор Ольга Воронова

Иллюстратор Лия Ли

© Марина Важова, 2024

© Ольга Воронова, иллюстрации, 2024

© Лия Ли, иллюстрации, 2024

ISBN 978-5-4490-3005-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

СНЫ И ЗНАМЕНΙΑ

Посиделки с чудесами

Вот, говорят, в деревне жить скучно. Пойти некуда, на-

роду ни души, труд крестьянский тяжёл, быт непригляден. В деревне Парады всё не так. Конечно, зимой, когда темнеет рано, в морозы да в слякотные оттепели – развлечений никаких, это правда. Но тут работа выручает: снег разгрести, дорожки песком посыпать, дров принести, печь истопить утром и вечером. Ну, обед варить, скотину кормить – это уж как водится. Зато, как только снег подтает и на солнечных склонах повылезает прошлогодняя трава, молодые росточки мать-и-мачехи проклюнутся из земли, – тут жизнь в корне меняется. Весенний душистый ветер залетает в каждую избу и выманивает на придомовые лавочки залежавшихся на печи стариков.

А тех, кто помоложе, и выманивать не надо. Как выдастся свободная минута, народ к клубу тянется. Сам-то клуб закрыт, только по выходным да в праздники танцы и кино. Зато возле клуба на самом припёке скамейки наставлены друг против друга, а между ними – стол дощатый. Тот же клуб, только под открытым небом. На восток посмотришь – озеро сквозь редкие кусты поблёскивает. На запад посмотришь – холмы, поросшие сосняком. На юге – поля с перелесками. С севера виднеются старая разрушенная мельница, вековая дубовая аллея и водонапорная башня с гнездом аистов – всё, что от барского поместья *Парадиз* осталось. Такие вот красоты.

К маю жизнь деревни и вовсе преобразается: из Питера и Москвы прибывают дачники, по-местному – «грачи».

Они увеличивают народонаселение вдвое, а главное – резко ускоряют темп жизни. И чем теплее становится воздух, тем быстрее и деловитее шевелится народ. Зато вечерами, когда ветер внезапно стихает, а звуки разносятся далеко по округе, принарядившийся смешанный состав парами и компаниями подтягивается к клубу на посиделки. Ещё и за клубом, бывает, располагаются – костёр жечь, чай гонять и истории рассказывать. А поздно ночью нарочито бодрые голоса гуляк будят деревню. Потом всё стихает, и деревня проваливается в сон. Лишь собаки перебрёхиваются да ночные птицы вскрикивают человеческими голосами.

Заклубные посиделки раньше предваряли клубные развлечения: кино и танцы, но потом перестали от них зависеть, да и люди поменялись. Нынешние – не танцоры. Главная заводила – Ритка, замужняя, но бездетная, лет десять как осевшая в псковской деревне. Несмотря на солидный возраст (48 лет!), вид имеет подростковый, даже чуть мальчишеский. Короткая стрижка, неизменные джинсы, худоба и безгрудость всегда ставят в тупик посторонних. Но голос её сразу выдаёт: на удивление тёплый, низкий, с характерным, хоть и полустёртым годами, вологодским оканьем. Где бы Ритка ни появлялась, место руководителя культмассовым сектором в комитете комсомола всегда оказывалось ей впору. А когда всё потихоньку развалилось: и страна, и работа, и комсомол, она сама стала культмассовым сектором. Любые начинания: ветеранов ли поздравить, танцы в полу-

разрушенном клубе организовать, денег выбить на ремонт этого самого клуба – Ритка тут как тут. Кто-то числится завклубом, кто-то подарки и медали вручает, но только сперва Ритка всё это организует.

В последние годы она нигде не работает, держит хозяйство: огород, курочки, – но всегда при деле. Как теперь принято говорить, – ведёт проекты. Посиделки у клуба – один из её проектов. Ритка умудряется вытащить одиноких заработавшихся баб из дальних деревень, молодёжь завлечь, но самое главное – парней и мужиков подтянуть. С её лёгкой руки не одна свадьба сыграна и деревни не вымирают: хоть двое-трое детишек да в каждом поселении имеются. Будущее, так сказать, человечества растёт. Эх, если б ещё работа была! Так нет её в округе. Те государственные конторы, что как-то телепаются, платят жалкие гроши, если вообще платят. Только на подсобном хозяйстве народ и выезжает. Риткин мужик – из местных, в совхозе чуть не с детства работал, потом в армии служил, в Германии. Вернулся в деревню, а тут – перестройка, и закрутилось всё кувырком. Добро, батька его на хорошем счету у властей был, так разрешили трактор после развала хозяйства взять да земельный пай в собственность оформить. Этим и живут.

Клубную компанию всегда поддерживает Надюша Михеева – хоть и питерская, но из местных. Ещё прадед построил ту избу, куда каждый год приезжает Надька со всем своим большим семейством, наполовину кошачьим. Отличает-

ся она нравом весёлым, постоянно от чего-нибудь в восхищении, и при этом – кладезь доброты и всепрощения. У неё взрослая дочка Инна, колясочница. Попала в аварию три года назад, еле собрали и на ноги поставили. Всё благодаря стараниям медиков, а более того – родителей, других родственников, не оставляющих в покое поначалу неподвижное, потом вялое, а теперь и вполне упругое человеческое тело, свою кровинушку. Но Инка пожелала быть королевой в коляске, а не ходячим инвалидом. Так королевой и катается по посёлку да по ближним лесочкам с земляничными полянками. За спиной не всегда мама Надя; местные ребята, начиная с пятнадцатилетнего возраста, в ухажёры набиваются, оспаривают друг у друга право королеву сопровождать.

Ни одной посиделки не пропускает Нина, тоже питерская дачница. Они с Риткой ровесницы, но Нина – женщина в квадрате. Фигура – всё при всём: где надо, там круглое, где надо – тонкое. И одевается так умело, что все достоинства подчёркнуты, а недостатки, ежели таковые есть, умело скрыты. Нинка замужняя, второй раз в браке. Муж Игорёк, дальнобойщик, почти всё время в разъездах. Зато как приедет, сразу двери на замок, окна день и ночь занавешены – соскучился. Нинка и Ритка – закадычные подруги. Всю зиму перезваниваются, а весной, уже в апреле, Нинка тут как тут, является эдакой весенней птахой и в первую очередь – к Ритке. Сразу планы, суета, ну и посиделки в ближайшую же субботу.

Приходят и две незамужние сестры – Настя и Варвара – из деревни Запорошино, что в семи верстах. Хоть и сестры, а не похожи ничуть. Старшая, Настя, фигурой как уточка, ловкая и до работы жадная. А Варвара – будто из сказки: брови соболиные, сама статная, неторопливая, с грудным ласковым голосом и плавной походкой. Но работать – это не для неё. За что ни возьмётся, даже за пустяк самый, ерунда получается, лучше б не бралась вовсе. Одно лишь исключение: вяжет хорошо. Но только зимой вязанием занимается, а летом – гуляет и, словно маленькая, отпрашивается каждый раз у старшей сестры. Ходит по лесам, на реку пойдёт, да всё с книжками. Сядет под берёзой, веточку сорвёт – от комаров махаться – и страницу за страницей так и глотает. И не скучно ей – в книжку провалилась.

Непонятно, как сестры в этот круг попали, что тут нашли. Ну, с Варварой ещё ясно: всё, что не касается работы, её привлекает, впечатлений она ищет. А вот каким ветром Настасью занесло, остаётся догадываться. Скорее всего, истории она любит послушать, и сама мастерица-рассказчица, всё в лицах передаёт, как в театре! Настя с Нинкой – первые заводилы по части историй. Зацепят какую-то тему и давай кто что знает об этом выкладывать.

Риткой сразу же было наложено табу на пересуды и склоки, а тем паче, если про деньги и политику. Впрочем, про последнее никто особо и не рвётся говорить, вот если мужики придут, тогда может такое случиться. А про деньги как

умолчать, если они всю дорогу между людьми встают. Вроде про людей история, а и про деньги тоже. Ритка, бывало, мимо ушей пропустит, если рассказ интересный, а коли одно нытьё да поругания, тут же шикнет: «Кончайте душу травить, никому это не интересно». Тут она не права. Про деньги – всем интересно. Почему их нет, да у кого они есть, да как добыть, да как не потерять. В конце концов Ритка уступила: пусть про деньги, только без жалоб этих убогих. Так что, бывает, и осадит кого: «Ну-у, пошла-поехала сопли размазывать».

Ещё на посиделки приходят угощаться и угощать. Со своей провизией, кто что сготовил или купил. В основном простые деревенские припасы в ход идут: картошечка в мундире, капуста квашеная, грибы прошлогодние, огурчики солёные и маринованные, либо только что с грядки. Городские могут колбаски принести, печенья и конфеток. Сама Ритка частенько приготовленный дома салат выставляет: редиска, лук зелёный, салатные листья и непременно укропа тьма. С питьём по-разному бывает: кто квасу самодельного принесёт, кто банку компота откроет, но чаще всего чай кипятят на костре – для того и прокопчённый чайник за ящиками спрятан, и стойки с перекладной то и дело обновляются. Чай заваривают травяной, по этому делу Нина за главную. Она всегда что-то на чердаке сушит, лекарств не признаёт. Вот и для костра разные сборы готовит. Спиртное на костёр не допускается, разве только мужики с пивом придут, и то Ритка строго следит, чтобы не много его было, да чего по-

крепче не подливали. Если засекла – всё, выдворяется нарушитель, кто бы за него ни просил. Как хотите, скажет, тогда я уйду, или что-то в таком роде.

Три пожара

В тот вечер расположились, как всегда, за клубом, разожгли костёр, напекли картошки, к чаю приступили. Речь зашла про чудеса и загадочные случаи. Заговорили о помершем недавно деду Мироне, который уж лет двадцать в оди-

ночку жил на хуторе. Клавушка «новенькая» пошла кур закрывать на ночь, глядь, а он в сарае стоит, в одних белых подштанниках и рубаше исподней. Она от неожиданности чуть не повалилась, хотела кричать, да голос куда-то пропал. А дед на неё как напустился! Зачем, сердится, ты мою Анюту прячешь с ейным полюбовником. Уж Анюты давно нет да и никогда Клавдя с ней дружбы не водила, чего вдруг ему пригрезилось? Насилу уговорила пойти домой и лечь, пришлось пообещать, что Анюту ему вернут тотчас. Только через день нашли деда Мирона уже холодным, с Анютиным платком в руках, не стиранным, видать, с тех пор, как хозяйка живой была.

Обсуждали вроде бы житейскую историю, да вылилось это в типичную небывальщину. Одни предполагали, что жена покойная приходила за дедом, забрать хотела и забрала-таки. Другие вспомнили, что ещё в прошлом году Мирон по деревне ночью бегал, жену искал. И будто нашёл, неделю потом не показывался. К нему ходили, но он заперся и не открывал, только голос подавал, так что отстали от него вскоре. Вспоминали похожие случаи и совсем другие, только одно было общим: непонятное и невероятное рядом живут с обыденным и виданным.

– Я вам вот что скажу: если что должно случиться – обязательно случится. А если не должно – так хоть посреди комнаты костёр запали, изба не сгорит. Когда-то я так не думала, пыталась защититься, всё предусмотреть.

Нинка поворошила палкой угли, придвинула закопчённый чайник поближе к жару. Он тут же подхватился, засипел сперва сонно и невнятно, а потом забулькал, затряс крышечкой, плюясь во все стороны. Долив в старую крепкую заварку белой от кипения воды, Нинка взяла в рот кусочек сахара и, пропустив через него первый глоток – так ещё её бабка чай, бывало, пила, – задумчиво и как бы нехотя продолжила:

– Говорят, бог троицу любит. Моя история к любви никакого отношения не имеет, тем более божией. Потому что речь о том, как мой дом сгорел, какая ж тут любовь? А начинал он гореть три раза, вот почему я про троицу вспомнила. Все три случая только потом в общую картину нарисовались, а поначалу так, отдельными жизненными случайностями смотрелись. Пока само несчастье не произошло.

Нинка замолчала, как бы прикидывая, к месту или не к месту она троицу приплела, сделала большой глоток чая – как она может кипятком так пить и ведь не ошпарится! – и продолжила.

Ацетоновый смерч

– Началось всё с покупки этого самого дома. Я тогда ещё с Саней, Славкиным отцом, жила. Ну ты, Надька, его помнишь. Он ведь художник, так мы с ним часто путешествовали по псковским деревням в поисках природы. Однажды нам посоветовали сюда, в Парады съездить. Какие, думаем,

ещё Парады, советский, наверно, колхоз. А как приехали, так и ахнули! Старинная усадьба, разрушенная порядком, но вся как зачарованная, красотища! Саня тогда пару этюдов написал, немцы потом один купили...

Мы тут же решили обзавестись своим домиком, чтобы в любой момент можно было сорваться и из городской суеты убежать. Сколько тогда коров в деревне было! У каждого по одной, а то и по две. Так что и свежий воздух, и натуральное молоко Славке были обеспечены. Только вот домов на продажу не нашлось, но мы уговорили-таки одного деда, жившего в Дуплях, продать его родовое подворье в Парадах. Дед почему-то никак не соглашался, хотя в своём доме давно не жил – к жене перешёл. Пришлось посулить ему значительную прибавку к цене, лишь тогда он решился, бросив напоследок непонятное: «Но только чтобы без обид».

– Это не Яков-ворушонок тебе дом продал? – подала голос Настасья. – Старуха его вроде на приварок польстилась, уговорила. Он потом ей житья не давал за это.

– Так он уже через неделю пришёл к нам пьяненький, сел посреди избы на табурет и давай вспоминать, что он и как строил. Про каждую лесину у него рассказ был: ту он выменял у соседа на две бочки квасные, другую ночью спилил и вывез по-тихому. Сокрушался, зачем дом продал, ругал себя и старуху. Но дом назад отдать не просил, у него уже и денег не было, сыну квартиру купил. Потом ещё лет пять – как выпьет, сразу в Парады бежит, а мы дверь закрываем, будто

нет никого дома.

– Бедняга, – тут же пожалела деда Надюша. – Я бы ни за что наш родовой дом не продала, хоть он у меня и подпёртый стоит, стена, того гляди, обвалится. Вот крышу собралась перекрывать, потом уж остальное подлатаем.

– Наш дом тоже в ремонте нуждался. Но мы его к осени купили, недели две всего в нём пробыли, ничего толком не успели: покосили да птиц распугали. В Питер вернулись, а сами все мечтали, как весной пораньше поедем, да чинить сразу начнём, да воду подведём. Только Саня до весны не дотерпел, прямо в канун Рождества решил ехать порядок наводить. Задумал всякую рухлядь и мусор посжигать, что от хозяев прежних осталось, заодно и протопить дом. Может, и картинку начать, пока пусто и никто не мешает. Отправился на неделю. Приезжает назад через день – бровей нет, борода-усы обгоревшие. Глаза сверкают, сам весёлый, но малость его потряхивает. Рассказывает, с одного на другое перескакивая.

Приехал он, значит, пока тропинку расчистил, темно стало. Он – в дом, сразу печь растопил, перекусил, водочки выпил и решил времени не терять, отрывать старые обои и жечь. А печь русская, в топку много влезает. Ночь длинная, вся впереди. Водки и еды хватает, сна – ни в одном глазу. Короче, увлёкся, жарилу развёл, как в Африке. Добрался уже до второй комнатки, ту давай обдирать да обои с трухой в печь кидать. Смотрит – в углу бутылка непочатая с ацето-

ном стоит, с осени забытая. Взял её и понёс в коридор поставить, чтоб ненароком не разбить. А как мимо пылающей печной арки стал проходить – дно бутылки вдруг и отвалилось, видно, от перепада температур. Огонь из печи выплеснул, пламя ударило об пол и с гулким хлопком выстрелило в бревенчатую, с остатками мшеница стену. Саня говорил, что пламя ветром пролетело сквозь щелястую стену, пока не упёрлось в брёвна коридора. И только там разгорелось, захватив прислонённые к стене со времён царя Гороха куски картона. Так что по-настоящему пришлось тушить лишь коридор.

Сашку моего больше всего поразил выборочный характер повреждений. На пути пламени оказался холодильник «Ладога», старый инвалид, почти не рабочий. Металлический шильдик фирменной марки стёк с дверцы серебряным ручейком, но ни пластмассовые уголки, ни потрескавшаяся эмаль не пострадали. К нашему удивлению, весной обнаружилось, что весь холодильник стал работать как морозильная камера. Это здорово нас выручало в условиях нестабильного завоза продуктов. Но более всего потрясло чудесное спасение самого виновника пожара. Ведь кроме обгоревших начисто бровей и подпалённой растительности на лице – никаких увечий, ни ожогов – вообще ничего. Даже руки, до последнего державшие бутылку с ацетоном, даже они ни капли не пострадали. Если б не видела всё своими глазами, ни за что бы не поверила!

Из дальнего угла кто-то внятно произнёс:

– А что ты видела своими глазами? Обгоревшие брови и бороду? Слушайте вы этих мужиков больше, они вам расскажут...

Это подала голос Васечка, неопределённого возраста конопатая баба с соседнего хутора Пекарики. Она с неизменным постоянством ходила на посиделки – от строгой и скорой на расправу свекрови сбегала, благо муж на её отлучки внимания не обращал. Приходить приходила, но всё больше молчала, даже дремала временами. А тут вдруг в сомнение впала и всех ввела. Как-то не принято было в их кругу не верить рассказам. Смысла нет. Ну не верят, и что дальше? Неинтересно. Да и зачем врать, когда правда бывает такой удивительной – хоть бы запомнить, а не то чтобы своё присочинить. Вот и Нинка обалдело так замолкла, не знает, что и говорить в ответ. Да вдруг нашлась:

– А холодильник-то чего вдруг морозить стал?! И «Ладога» с него сползла каким макарон?!

– Так мы не сомневаемся, – пропела Надюша-миротворица. – Дальше давай, ты же про троицу начала.

Надька всегда всех защищает, от неё ни про кого дурного слова не услышишь. Даже когда дом её зимой обчистили – так, по-лёгкому: одеяла украли и топоры, – она, зная, как и все, кто это сделал, только и сказала: «Им больше, чем мне, вещи те нужны. Спасибо, что ничего не сломали». Такая уж она, Надька! Вору тому от дома не отказала, он по-прежнему

ходит и на будущее присматривает, что где лежит...

Как гуси дом спасли

Секунд пять Нинка хмурилась, продолжать или нет, потом решила не отвечать на Васькин выпад.

– Был и второй случай. Одно лето мы с Саней не смогли уехать из города. И решили отправить на дачу Славика с моей сестрой Валею и её Наташкой. Получилось вроде как мать с двумя детьми. Раз в неделю звоню им: всё хорошо, и погода, и здоровье. Короче – курорт. И вдруг как-то к вечеру приезжает ко мне Валькин муж, Евгений. Прямо с работы, ни с того ни с сего, – явился. Хочу, говорит, за своими поехать, нечего им по чужим дачам шататься, у самих дом есть. Работал он тогда в Светогорске электриком и вдруг, непонятно почему – в Питер, да ещё после работы, рванул. Причину никак толком объяснить не может. Заберу, говорит, своих – и всё тут. А ехать часов десять, не меньше. Вроде всегда такой уважительный, смиренный, а тут как подменили его: грубить начал, когда я повременить предложила, ведь ни билетов, ни продуктов не куплено – как ехать? Что за блажь? Один поеду, говорит. А сам с пустой сумкой, только остатки обеда в пакете: бутерброд да помидорина треснутая.

Ну что делать – надо собираться, не отстаёт. Наскоро в магазин сбегала, набрала полную сумку, а то у скобарей в магазинах мышь сдохнет. Приехали на вокзал – билетов нет.

Всё равно ждём поезда, целый час ждём. Поезд пришёл: «Ленинград – Одесса». Нам подходит: доедем до Острова, оттуда на автобусе полтора часа. Мы – к проводникам. Евгений, обычно молчаливый, тут в уговоры пустился, да убедительно так. С проводницами любезничает, пожилым проводникам «отец» говорит, молодым деньги суёт. В общем, взяла нас к себе одна тётенька, даже постели выдала и чая по стакану налила.

В пять утра мы были в Острове, еле на автобус успели. Раненько в деревню приезжаем – наши только проснулись. Валька, как своего увидела, обомлела. Решила, что-то стряслось. А он набычась стоит – соскучился, говорит, не дело же не без мужа так долго жить, собирайся, назад сегодня же поедем. Но надо знать мою Валуху: если по-хорошему – из неё верёвки можно вить, а нахрапом да приказом не многого добьёшься. Губы сморщила, живот выпятила, никуда не поеду, говорит, нам здесь хорошо, и вообще у меня гусятки куплены, откармливаю.

Что ещё за гусятки, спрашиваю. Так хорошие гусятки, отвечает сестрица, на базаре купила махоньких, а за две недели вон как выросли – вдвое. Повезу осенью домой, у нас таких не продают. Правда, из шести трое сдохли, но нам и троих, мол, хватит.

Выясняется, что гусяткам скормлены все запасы круп, которые по талонам куплены, так что людям уже каши не сварить. Что-то в этом роде я и высказала – Валька наду-

лась. В общем, все обиженные ходят, друг дружке пары слов не сказали более. Евгений с ребятами на озеро ушёл, Валюха села натюрморт писать. У неё такой пунктик: как не в духе – натюрморты писать. Я неполотый огород в порядок привожу, чертыхаюсь. К вечеру дождь зарядил, в избе сошлись, чайку с гостинцами попили, детей уложили. Евгений пытается на мировую пойти: то обнимет супругу, то ненароком плечом заденет. Про отъезд не заговаривает – к ночи готовится. Валька сквозь зубы отвечает, на призывный шёпот мужа никак не реагирует, читать принялась. Я её подкалываю: то к одному, то к другому гусят приплету. «Хочешь сказать, что я дура?» – спрашивает внятно и с вызовом. «А давай проверим», – прищурясь, ищу карты в ящичке стола.

Сели играть в дурака с погонами. Тихо кругом. Только дождь хлещет да Женька обиженно во сне мычит. Час проходит, другой – всё Валька дура, и погоны от шестёрок до тузов поставлены. Тем временем дождь в грозу перешёл, молнии так и сверкают поминутно, тут же гремит – значит, близко гроза. Валька никак признаваться не хочет, что карты правду говорят. Губу закусил, велит ещё сдавать. Тут за окном как бабахнет! Сразу – вспышка, да яркая, как в фотоателье. И дымком потянуло прямо от счётчика: сначала тихонько, потом чёрным шлейфом, а за окном и пламя видно – от гусака на крыше провода загорелись, в него, видать, долбануло.

Дальнейшее произошло за пять минут, но нам казалось – час прошёл, не меньше. Евгений был разбужен и тут же по-

лез отсоединять провода. Как его не убило голого да под дождём – навсегда осталось загадкой, но проводку он обесточил. Тем временем пламя проникло между срубом и обшивкой и, несмотря на ливень, полыхало вовсю, пробираясь по сухому мху между брёвен. Воды у нас, картёжниц, не было ни в одном ведре. Зато помойное – полное. С ним Валька и полезла на чердак – огонь уже добрался до верхних венцов, а на чердаке – костра льняная, вспыхнет в момент. Детей разбудили, наскоро одели и с деньгами и документами отправили к соседям. От них тоже прибежали с вёдрами – помогать.

Под утро, когда всё было потушено и мы собрались немного поспать, явился только что проснувшийся Виктор, сосед-милиционер. Он, ни слова не говоря, стал отдирать картон от стены рядом со счётчиком и доставать почти голыми руками тлеющие головешки. Говорит, только что учения проходили, как правильно тушить пожары, так про эти остаточные искры особо подчеркнули: опасны они, вспыхнет с новой силой, если не обезвредить.

Когда всё закончилось и мы улеглись по кроваткам: Валя в обнимку с мужем, дети по своим местам, а я на диване не раздеваясь, мысли так и забегали наперегонки. Ведь неспроста Евгения принесло, и гуси неспроста были куплены. И даже Виктор-сосед неспроста учения проходил и вовремя проснулся. Таков был Божий промысел.

Тут Нинка с вызовом посмотрела в угол, откуда сомнения

приходили, но там ни гу-гу, всё тихо. Спит Васька.

Огненный шар

– Так дом сгорел или нет?

Это Ольга-Оса, как всегда нетерпелива и бестактна. Прощают её только потому, что ни в чем от неё отказа нет. Что ни попросишь – пожалуйста. Картошку помочь сажать или в соседнюю деревню сбегать – сказать дяде Мише, что дочь завтра приезжает, – это она мигом и без всяких намеков на благодарность. Но недалёкая, ведь не сообразит, что нельзя с таким вопросом лезть. Нина и внимания на неё не обратила, вздохнула легко и продолжила:

– После того как гуси наш дом спасли, я уже поняла, что всё это неслучайно. Вот баня несколько раз гореть пыталась. Вроде ничего необычного: баня старая, ветхая, топится по-чёрному, а мы банщики неопытные. Всё объяснимо. Но вспомнишь о пожарах в доме – так вроде тренировки или предостережения получается: смотрите, мол, что бывает с раззявами. А как тут углядишь? Ну, ввод на крыше поменяли, печку не забиваем, не раскаляем. Горючего в избе не держим, за баней следим, пока топится. Да разве возможно об этом всё время думать?! Лет семь прошло после того, как гуси спасли наш дом, всё подзабылось. Хотя про этот случай иногда рассказываю, но больше в ракурсе именно гусей – гусеняток – и поиска дурака, на этих гусей польстив-

шегося. Короче, про пожары думать забыла.

Знамена начались где-то за год, как раз летом. Однажды ночью просыпаюсь от сполохов света и грохота. Всё, думаю, горим по-настоящему. Но тут же понимаю – это гроза. Но какая-то сухая гроза, дождя нет, только вспышки поминутно и грохочет. Лежу, трясусь от страха. Так и представляю себе, как молния в наш старый дуб ударяет, тот на крышу валится, а под крышей – я, одна во всём доме. Потом грохот перешёл в далёкий шум – будто камни с горы где-то падают, на горизонте зарницы начали сверкать: красиво так и страшно. Только под утро заснула на пару часов. Спросонья представляю, что пожар ночью всё же был. Потом соображаю: нет, это гроза была такая странная, а тревога всё не уходит. Сانه по телефону рассказываю – смеётся надо мной, трусихой и паникёршей называет, а я чуть не плачу.

Ну, месяц прошёл, другой, август наступил. Опять я в доме одна осталась. Ночью проснулась от грохота и вспышек, как в тот раз. Но грохот совсем другой. Как будто снаряды рвутся, как будто бомбят, причём совсем рядом. Война, думаю, что ли началась? Лежу дальше, соображаю. За окнами никаких зарниц – значит, не гроза, но свет откуда-то заревом. Вышла на крыльцо – соседский дом горит, весь уже в пламени. Но ни людей, ни криков – только треск стоит. Подошла – нет, не он, в темноте всё ближе кажется. Это дальше, дом дяди Коли горит, и там народ. Накинула куртку, побежала, а у самой ноги ватные, так и подгибаются. Дороги не ви-

жу, то о кочку споткнулась, то в канаву чуть не скатилась. Подхожу – дом почти догорел, сарай полыхает, шифер так и стреляет во все стороны. Хозяев не видать – неужто сгорели?! Потом уж узнала, что их дома не было, ушли на похороны, там и заночевали.

– Говорили, проводка у них старая была, – заметила Настасья. – Может, и старая, у нас у всех она старая, только пожар тот по их вине случился. Они на похороны пошли, а сушилку с грибами выключить забыли, вот от неё и загорелось. Это мне по секрету Маня Колькина нашептала. А если бы правда узналась, не получить бы им страховки за дом и лесу бы совхоз на новую избу не выписал.

– А и толку, что выписал, они этот лес на корню пропили, в бане три года жили, пока сельсовет квартиру им не выделил, – ядовито сказала Ольга-Оса.

– Какая теперь разница, кто виноват? – отмахнулась Нина. – Я наутро вышла из дому, а они, погорельцы – дядя Коля с сыном Пашей, – сидят под моим забором, и ни грусти, ни тревоги на лицах. Ещё и перешучиваются с проходящими мимо. Пригляделась – у них бутылка водки и пара луковиц на закуску. Отпивают прямо с горла, стресс снимают. Увидали меня, подзывают: давай, соседка, за наше чудесное спасение выпей с нами. А что, думаю, ведь и правда спасение: окажись они тогда спящими в доме, сгорели бы непременно.

Для меня одно стало ясно: мой дом будет следующим. Я твёрдо знала, что пожара не миновать. Но не буду же я

просто сидеть и ждать, когда загорится. Что-то делать надо! Вспомнила о проводке – у нас она тоже столетней давности была, решила ремонтом заняться, всё в порядок привести, вдруг да поможет! Крышу сначала перекрыли, потом мы с Сашкой изнутри все комнаты оргалитом обшили, полы покрасили. Электрика наняли всю проводку заменить, пробки помощнее поставить. В общем, приняли, так сказать, все меры безопасности. По весне опять отпустила отдыхать сына с Валюхой, у меня тогда защита диплома была. Та снова дочку Наташку взяла, подросшую и похорошевшую. Я собиралась через пару недель подъехать, да то одно, то другое – не вырваться.

Вдруг среди ночи звонок. Соседка Светка в трубку кричит, ничего не понять. Наконец разобрала. Сгорел твой дом, говорит, но не волнуйся, все живы. А я и не волнуюсь, даже от сердца отлегло. Не надо теперь, думаю, ожидать и бояться, всё уже позади. Светка рассказала, будто баллон газовый взорвался, а больше она ничего не знает. Привезли погорельцев в Питер, испуганных, без вещей, документов и денег – всё пропало. Как ко сну готовились, так и выскочили почти босиком.

– Так отчего загорелось-то? – Оса опять встряла, нетерпеливая. – Газ взорвался, что ли?

– Кто ж теперь точно скажет, – задумчиво ответила Нинка. – Наташка с девчонками была на озере, а Валюха собралась Славику на ночь ноги помыть. Она чайник на газовую

плиту поставила и в комнату пошла. Возвращается на кухню, а в углу шар огненный, и занавеска горит. А рядом с окном – баллон газовый. Ну, думает, сейчас всё взорвётся, схватила Славика в чём был – в тапках и ночной пижамке – и бегом к Светке, соседке. Та пожарную вызвала. Только пока пожарные ехали, пока водой из озера заправлялись, от дома почти ничего не осталось.

– Неужели не могла она занавеску потушить? – наседают Ольга-Оса.

– Испугалась, конечно, баллон рядом, ребёнок маленький за стеной – нечего и говорить! – это Надюша за Валю вступилась.

– Ну не знаю, как-то глупо из-за занавески гореть. Ватник какой накинула, всё тут же потухнет, – не унимается Ольга.

– Ей только об этом думать! Главное – ребёнка спасти, а тут ещё газ. Всё правильно сделала! – припечатала Надюша, отсекая ненужные споры.

– Да не виноваты они вовсе, – продолжила Нинка. – То лето было жарким, в округе шесть домов сгорело, и причины были разными: у кого проводка старая, другие траву прошлогоднюю жгли возле дома, дачник один курил в постели да заснул. Валюха всё про баллон твердила, мол, утечка газа, в любой момент могло взорваться. Так и в протоколе написали: утечка газа. Но баллон был ни при чем. Он, конечно, взорвался, но гораздо позже, через полчаса после начала пожара. Зоотехник наш, Иван Семёнович, говорил, что это

шаровая молния была. Он же, помните, все явления природы объяснить мог и погоду за неделю точно предсказывал. Я потом фильм смотрела, как шаровые молнии проникают в дом через открытое окно. Так что правильно Валюха сделала, что из дому со Славиком сразу ушла, шаровая молния – вещь опасная.

А всё-таки предупреждение им было. Наташка рассказала, что накануне вечером она пошла с подружками в клуб на танцы. Шли по большаку, и вдруг какая-то сонливость на неё навалилась, хоть сразу ложись на траву и спи. Потом почувствовала, что смотрит на всё сверху: и компанию, и дорогу видит как бы со второго этажа. Мгновенно на неё одурь напала, побледнела вся и решила домой вернуться. Легла спать, да не спится, повсюду шорохи, топоток за стенкой. Свет зажгла – тени вокруг лампы мечутся. А на стене, прямо против кровати, над столом висит репродукция мадонны Рафаэля. Глядь, а мадонна уже на лавке сидит, к младенцу, что на коленях, склонилась. Поднимает голову, а это не мадонна вовсе, а чёрт – смеётся, язычком играет. Наташку ужас такой охватил, силится перекреститься, а рука не подымается. Не помнит уж, как и отключилась. Утром матери стала про свои видения рассказывать, но Валюха отмахнулась: мол, сочинительница, вечно что-то выдумает. Значения не придала. А я бы обязательно насторожилась, да и к чему девчонке такое выдумывать. Позже Наташка вспомнила, что крысы, которые по ночам им спать мешали писком и беготней в под-

вале, за неделю до пожара исчезли...

И тогда мне припомнились слова деда: «Только, чтобы без обид». Поговорить мне с ним захотелось, расспросить про его родовой дом, узнать, почему он с семьёй в нём жить не стал, пошёл в позорные «примаки». А главное, почему дом продавать не хотел и какие обиды имел в виду? Когда приехала оформлять погорельские документы, завернула к нему. Только разговора не получилось: дед помер ещё зимой, а бабушку отправили в дом престарелых, потому что никакой родни у неё не осталось.

– Поговаривали, что Яков в войну на немцев работал, – подала голос Настасья. – Что он выдал комендатуре Алешку Сапыгу из Борков, который с голодухи к партизанам было подался, да они его выгнали за малолетством. Ворушонок вроде на него стукнул, и парнишку расстреляли, а Якову за это немцы разрешили леса на избу напилить.

– Ах, вон оно как... Я ничего этого не знала, – испуганно протянула Нинка. – Значит, на горе людском дом был построен... Было у меня опасение, что дело не чистое, но чтобы так... Тогда всё правильно, так и должно было случиться. А знаете, как только дом сгорел, я почувствовала – надо что-то менять. Как будто с домом сгорело всё плохое и можно заново жизнь начинать. А тут пошло-поехало, одно к одному. Сашка снова пить начал да всё запоями, по месяцу – по два. Бросила его, уехала с сыном в свою коммуналку. А вскоре наш питерский дом пошёл на капремонт, и мы получили от-

дельную квартиру, большую и, главное, в том же районе.

– Ты же года два в Парадах не появлялась? – подала голос Ритка. – Когда я сюда приехала, участок твой стоял заросший, по ночам летучие мыши из сарайчика вылетали, а зимой там даже ласок видели. Говорили, что дядя Яков приходил на пожарище и на коленях стоял у печины, а потом через месяц взял и помер.

– Я тогда думала, что в Парады больше не вернусь: на пожарище строить нехорошо, а больше негде, – сказала Нинка. – Вдруг звонит Светка-соседка. Умерла тётя Катя, дети её дом продают, и участок – как раз рядом с моим. Купила, не торгуясь, рада была, не пересказать! Будто дар получила нежданно-негаданно. И живу теперь, страхи больше не мучают. С Игорем познакомилась, уже пять лет вместе. Думала, вот для чего старый дом сгорел – чтобы в новом я своё счастье нашла.

Тут Нинка потупилась, вроде как ей неудобно стало перед остальными за свою любовь. Да чего уж! Каждая собака в округе знает, что Нинка с Игорем как специально друг для друга созданы. Хоть, бывало, неделями не видятся, а с языка Игорёк у неё не сходит. По любому случаю муженька своего приплетёт. Вот и теперь – ишь чего выдумала! – дом, видите ли, сгорел для того, чтоб ей с Игорёчком сойтись. Ну и фантазёрка!

Вещие сны

Солнце совсем за лес закатилось, темноты ещё нет, красным заревом освещены все лица и чайник закопчённый. Пламя костра жиденькими языками по чёрным головешкам шарит, ищет, чем поживиться. Надюша, спохватившись, ки-

дает в костёр старый штакетник – от братской могилы остался после её ремонта.

– Тебе всё знамения были на пожар. А у меня во сне предупреждение явилось, да ничего я не поняла из него, – задумчиво, с несвойственной ей грустью проговорила Ритка. – Только когда всё произошло, я догадалась, что именно об этом был сон. Хотя и во сне и потом, проснувшись, точно знала, что сон вещий, только разгадать не могла, что он значит, лишь тревогу чувствовала.

– А как это – сон вещий? Чем он отличается? – подала голос Варвара, подавшись к Ритке побледневшим лицом. Такая уж она, Варька, всегда: чуть что непонятное и загадочное – тут же бледнеет, а говорить начнёт – дыхание пресекается и голос сипнет.

– Ну, наверно, у всех по-разному. Мне вещие сны не часто снились, потому я их хорошо и запомнила. Во-первых, сон очень яркий, подробный, как будто и не спишь вовсе, а наяву дело происходит. Запахи, звуки, освещение, детали разные достоверные – всё слишком похоже на действительность. Во-вторых, время чувствуешь: как оно идёт, час прошёл или пять минут, вечер или день, и какое время года. Не так, как в простых снах, когда не поймёшь, что к чему, с пятого на десятое покажут, ни начала, ни конца.

И ещё одна примета. Я в таких снах прямо чувствую, что постоянно меняюсь ролями: то я смотрю со стороны, даже во сне думаю: «Ну и чепуха какая, выдумают же!». А то вдруг

участвую в происходящем, именно со мной действие происходит, и тогда уж никаких мыслей – всё взаправду. Переживаю как наяву – даже в слезах могу проснуться, или говорю что-то, или смеюсь во сне. И особенность такого сна: он очень хорошо запоминается. Не так, как обычно: что-то помнишь, что-то нет. Тут всё помнишь в подробностях. И ещё: не больше года проходит до того, как всё случится.

– Значит, если бы разгадать такой сон, можно было изменить будущее? – еле слышно прошептала Варвара, как бы выдохнув последнее слово.

– Возможно... Только как его разгадаешь? Вот когда всё произойдёт, сразу вспоминаешь, вмиг догадываешься, что сон был пророческим. Правда, с годами я немного понимать стала, хотя бы различать, хорошего или плохого ждать. Только вещи сны больше о плохом: о смертях внезапных и потерях.

Сон про бутылки

Первый такой сон приснился, когда ещё мне восемнадцати не было. Мы тогда в Череповце жили, в нашем родовом доме. Таком старом, купеческом: низ каменный, верх летний, деревянный. После революции семью прадеда «уплотнили» – три комнатки оставили, самые маленькие. Хорошо хоть внизу, в зимнем этаже. Вот в этих комнатках и прошло моё детство.

Снится мне, что лежу я на бабушкиной кровати. Вроде как только проснулась, но чувствую – день за окном. Чего я тут лежу, не знаю. Кровать очень высокая, на неё без скамеечки не забраться. Это оттого, что под матрасом бабушка все свои ценности держит. И не от скупости или боязни воровства, а просто комнатка у неё такая маленькая, что места больше нигде нет. Помню, были там большие альбомы, вышивки старинные, одеяла, бельё постельное, а летом – зимняя одежда, так что зимой кровать чуть ниже становилась.

И надо же, такое яркое солнце, что всю бабушкину комнату светом заливает. Радостная картина, а на сердце отчего-то тревожно. Ведь, думаю, я и проснулась от ожидания: что-то плохое произойдёт. Лежу, прислушиваюсь. И вспоминаю, что вчера было. Ну да, *наши* вечером играли в карты и напились. Вижу, какая-то лестница в большой комнате на верхний этаж ведёт к ненормальной соседке. И окошко соседкино вижу, она в нём сидит и смеётся противно так, глядя, как *наши* напиваются.

Соседка действительно этажом выше жила, с детства с заскоком. Мама её интеллигентная, врачом в нашей поликлинике работала, дочь больную одна тянула. Но, конечно, окон её мы отродясь не видели, она прямо над нами жила, да ведь во сне всё правдой кажется: и лестница в комнате, и окно. Когда я выходила от *наших*, тётя Женя наверх к ненормальной поднималась, а та её вроде манила.

Я ведь всё детство прожила со своими тётками, четырь-

мя родными сёстрами. Старшую из тёток называла бабушкой. Жили в трёх комнатах одной семьёй. Тётя Женя в свои сорок лет никогда замужем не была, зато она единственная из всех закончила десятилетку. У тёти Паши и тёти Зины было по дочери, а бабушка – старшая из сестёр – осталась одна, её сын погиб в войну.

Значит, лежу я, вспоминаю *наших* и чего-то жду. Вдруг слышу: шаги по коридору, тяжёлые, неверные. Будто кто пьяный идёт, за стену держась, а его по стенам мотает, потому как коридор у нас узкий, чулком. Мне так страшно стало, но с кровати встать не могу, лежу напротив двери, замерев. Вот шаги стихают, и дверь тихонечко открываться начинает. В проёме появляется лицо тёти Жени, самой младшей из тёток.

Тётю Женю в молодости клещ укусил, когда она в Албании в геологической экспедиции работала. С тех пор на неё умопомрачения находили, и она не ела, на работу не ходила и ни с кем, кроме меня, не разговаривала, лежала на своём диване и книжки пачками читала. Только чай пила, а я для неё в булочную и библиотеку ходила. А тут тёти Женино лицо искажено пьяной ухмылкой, она смотрит прямо на меня заплывшими глазами. Потом вдруг наклоняется и что-то с пола поднимает. Гляжу, возле печки целая батарея пустых бутылок. И тётя Женя в меня этими бутылками принялась кидаться. Одна бутылка полетела прямо в мою голову, я еле увернулась. Она опять наклонилась, улыбается бессмыслен-

но и вновь бутылку хватает. Я по кровати так и мечусь, уворачиваясь. Третью бутылку кинула, и тут её словно кто сзади потянул – исчезла и дверь закрыла.

Вроде бы всё закончилось и можно передохнуть, но я твёрдо знаю – это не конец. Прислушиваюсь к каждому шороху. Опять шаги, полегче, вроде на цыпочках кто-то идёт. У дверей затихли. Глаз с двери не свожу, от страха рубашка к спине прилипла. Вот потихонечку дверь открывается, и чья-то голова из неё выглядывает. Так это Валюнчик, тёти Пашина дочка, но до чего пьяна! Никогда её такой не видела.

Валюнчик в свои тридцать лет так и не была замужем и даже ни с кем не встречалась, жила вместе с нами в общем «колхозе», на заводе работала, транзисторные катушки мотала. С работы придёт, поест – и опять за катушки, чтобы раз в год в отпуск на Чёрное море съездить. И не пьёт она вовсе, а тут такая... Уже знаю, что она будет делать: бутылками в меня бросаться. Так и есть, потянулась к печке. И она три раза кинула, но я все три раза увернуться смогла. С головой одеялом накрылась, спряталась. Откидываю одеяло – никого, тишина. Только я в неё не верю, в эту тишину. Ещё не всё.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.